

ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ НАЛИЧИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА (СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ)

Бредихин С. Н.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail:bredichinsergey@yandex.ru

Данная статья посвящена иерархической ноэматической структуре смысла, реализованного в тексте. В статье обсуждаются общие принципы и условия возникновения смысла в тексте. Основное внимание в статье акцентируется на аспектах модальности продуцента и реципиента и основополагающем принципе интендирования. Основной субъективной составляющей смыслопорождения и условием наличия самого смысла является модальность продуцента текста, его интенции, иногда даже неосознанные, интуитивные, а для возможности смыслодекодирования, кроме этого условия, должна действовать ещё и модальность реципиента текста, что ещё более усложняет иерархическую структуру смысла. Суперконструкт смысл рассматривается как иерархическая структура интенционально релевантных ноэм как мельчайших квантов многомерного и многогранного смысла. Корректное образование смыслов, как и сама возможность их наличия, связано с использованием правильных техник интендирования, пониманием самого продуцента смысла и рефлексией его не только на первом уровне абстракции, в отношении денотатов, но и на последующих уровнях при феноменологической филологической рефлексии над выраженным в знаках и символах / языковых единицах, текстах – ментальных конструктах, всё это обуславливает рождение прото- и метасмыслов, нового в смысловой структуре, построение текстов на и за гранью понимания.

Ключевые слова и фразы: ноэма, смыслопорождение, акт интендирования, ноэматическая рефлексия, феноменологическая рефлексия, прото- и метасмыслы, суперконструкция.

PRINCIPLES AND CONDITIONS OF SENSE EXISTENCE AND DERIVATION (SENSE DERIVATION MECHANISMS)

Bredikhin S. N.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail:bredichinsergey@yandex.ru

This article is devoted to hierarchical noematic structure of sense realized in the text. In article the general principles and conditions of sense emergence are discussed. The main attention is focused on the aspects of text producer and recipient modality and the fundamental principle of an act of intent. The main subjective component of sense derivation and condition of sense existence is the producer's modality, his intension, sometimes even unconscious and intuitive, and for the possibility of sense decoding along with this condition the recipient's modality should be present, and this factor complicates hierarchical structure of sense much more. The sense superconstruction is considered as hierarchical structure of the intentional relevant noems as the smallest quanta of multidimensional and many-sided sense. The correct sense evolution, as well as possibility of its existence is connected with use of correct intent techniques, understanding of the producer's sense and producer's reflection not only at the first level of abstraction, in denotative relation, but also at the subsequent levels of phenomenological philological reflection over verbalized in signs and symbols / linguistic units, texts – mental constructs, all this causes the birth of proto- and meta-sense, new formation in semantic structure, text creation within and beyond understanding.

Key words: noem, sense derivation, act of intent, noematic reflexive structure, phenomenological reflexive structure, proto- and meta-sense.

Данная статья посвящена иерархической ноэматической структуре смысла, реализованного в тексте. Важно не наличие неузуальных образований в речи, а раскрытие условий ноэматического смыслопорождения и трактовка смысла текста как некоей иерархической структуры, имеющей в своём основании ноэмы концептуализации, служащие для функционирования и развития всех возможных надстроек многоуровневого смысла, наиважнейшим является исследование глубинных иерархических структур смысла и

разнообразных возможностей смыслопорождения, путём внутрисистемного перераспределения некоторого интенционально релевантного набора нозм и деривационных моделей, по которым многоуровневый смысл может быть построен. Целью самого исследования является объединение глубинных структур и нозматики как основного принципа порождения и декодирования смысловых структур и их иерархии.

Чем можно объяснить появление смысла как особого феномена, представляющего интерес, его порождение, декодирование и просто наличие появляется лишь при определенных условиях. В работе Г. И. Богина «Обретение способности понимать» (2001) основные условия смыслопостроения в тексте описываются так: существует некоторое содержание, взятое в определенной модальности. Есть некоторая ситуация либо в деятельности, либо в коммуникации, либо в том и другом, но при этом ситуация состоит из элементов, которые перевыражаются в рефлексивных актах, а часть этих элементов способна еще до образования смысла бытовать в виде минимальных смысловых единиц – нозм. Данные нозмы участвуют в интенциональном акте, то есть в акте направления рефлексии. Эти нозмы образуют определенную конфигурацию отношений и связей, которая служит основанием для интендирования, что и приводит к перевыражению нозматических отношений свойств компонентов онтологической конструкции субъекта.

На настоящий момент в науке существует несколько точек зрения на вопрос наличия/появления смысла, так, например, Р. Г. Альжанов ратует за проявление смысла как некоего идеального конструкта «в мозговых нейродинамических системах» [1, с. 144], да и мнение о том, что смыслы являются предметом изучения именно психологии весьма широко распространено. С данным утверждением спорить трудно, и нет препятствий к подобной трактовке и изучению таких идеальных структур психологической наукой. Однако сама психика и психические процессы в ракурсе рассмотрения смыслопорождающих механизмов являются второстепенным аспектом, неким инструментарием по отношению к смыслопорождению. Как отмечает А. П. Стеценко, «изначальная наделенность мира значениями и смыслами организует чувственные впечатления, обеспечивает постижение ребенком физических закономерностей окружающей реальности, например, за счет прогрессирующей дифференциации сенсорных модальностей» [7, с. 28].

Не работающей в лингвистике оказывается и эпистемологическая концепция позитивизма, ведь она, по сути, отрицает само существование подобных иерархических идеальных конструкций как смысл. Релевантно в этом отношении высказывание Ч. Пирса, вскрывающее саму суть позитивистских воззрений: «Сначала человек объявляет, что удививший его предмет есть удивительное, но по размышлении убеждается, что это есть удивительное только в том отношении, что он удивлен» [9, с. 232].

Отсюда можно сделать вывод о непосредственном существовании только самого психологического «состояния удивленности» – это и есть объективная реальность, которую и можно изучать. Считается, что существуют не смыслы, а следы памяти об увиденных вещах [10]. Боязнь встретиться с идеальными сущностями, невнимание к субъективному в когнитивном, что собственно и представляет из себя один из краеугольных камней понимания механизмов смыслопорождения и смыслодекодирования, влечёт за собой невозможность построения стройной теории смысла.

При многоуровневости смысла неизбежна многозначность языковых единиц, и каждый реципиент выбирает то или иное значение при встрече с той или иной многозначной языковой единицей. Этот выбор и есть то, что приводит к отказу от объективности декодируемого, универсальности порождённого, это даёт нам личность, индивидуальность актов смыслопорождения и смыслодекодирования.

И в нашей ситуации необходимо по второму правилу, предложенному Г. И. Богиным, «прибавить» к значению (имеется ввиду любое из некоторого набора значений, закреплённых в словаре и речи) некий субъективный аспект, некую модальность, дать денотату, точнее денотату как объекту исследования, маркер субъективности, тут же проявляются условия и признаки ситуации порождения, проявления и в дальнейшем возможности декодирования смысла, как упорядоченной ноэмной иерархической структуры, которая при всём это достаточно подвижна и жива. Введение данного субъективного компонента (модальности) необходимо сопровождается и появлением неких характеристик данного субъективного, имплицитного определения модальности, что даёт основания следовать в анализе смыслопорождения утверждению Г. Фреге, который говорит о том, что смыслы выражаются, а значения обозначаются.

Эта субъективная модальность даёт понятие о мире, без неё нет мира для человека и «генезис смысла определяется тем уникальным отношением человека к окружающему миру, в котором рождается система сложнейших функциональных взаимосвязей (субъект – объект), динамика которых формирует и составляет смысл» [4, с. 129]. Основной субъективной составляющей смыслопорождения и условием наличия самого смысла является модальность продуцента текста, его интенции, иногда даже неосознанные, интуитивные, а для возможности смыслодекодирования кроме этого условия должна действовать ещё и модальность реципиента текста, что ещё более усложняет иерархическую структуру смысла.

Модальность это то, что даёт возможность содержанию текста прирасти ситуацией, главным в порождении смысла, иначе содержание не работает в мире. «Самые разные эффекты и впечатления представлены в тексте в качестве причин превращения тех или иных текстовых явлений в ноэмы» [3, с. 134], которые являются неделимыми сущностями,

квантами смысла, в тексте же оные действуют как минимальные маркеры, идентификаторы текстовой информации. При восприятии ноэмы как кванта смысла она имеет возможность перевыражаться как в мыслительной рефлексивной деятельности реципиента текста и служить уже в качестве продуктивной модели, занять своё место в другой иерархической структуре как модификатор, катализатор, изменяющий иерархическую структуру целиком, даже если была порождена окказионально и интуитивно окказионально декодирована.

Ситуативность есть лишь наличие некой сущности, внутри которой неким образом структурированы связи, и именно восстановление этих связей и есть рождение смысла, вне зависимости от направления движения. Ситуативность в тексте даётся в виде образа, реконструкция смысла же есть рефлексивно переживаемый образ, субъективно переживаемая форма.

Основные факторы возникновения смысла в том, что речевая многозначность (многозначность употребления языковой единицы) существенно отличается от многозначности языковой, на это явление указывает Ф. А. Литвин. В этой связи и возникает текстовая ситуативность. Речевая многозначность – «естественное *следствие* знакового характера слова – единицы с неоднородным содержанием, во взаимодействии с функциями высказывания, в котором слово используется в речи» [6, с. 108]. Многогранность и многоуровневость языковой единицы в речи, в дискурсе и есть необходимое условие смыслопорождения; эта многозначность обусловлена контекстом, в разных контекстах реализуются разнообразные семантические аспекты единицы (ядерные или периферийные; узуальные и окказиональные), и не в меньшей степени аморфностью контекстуального окружения, по причине чего продуцент или реципиент не может с уверенностью создать алгоритм единственно верной, непротиворечивой, однозначной семантической модели. На фоне всего этого и возникает возможность выбора и актуализации интенционально релевантных ноэм, что есть важнейший принцип и условие смыслопорождения и смыслодекодирования.

Декартом было предсказано, что необходимым условием смыслопорождения и смыслодекодирования является акт рефлексивного познания, необходимо переживание своей бытийности как бытийности, имеющей своей частью усмотрение этого бытия (*Cogito = «думаю о»*). По Г. И. Богину, подобный акт называется ноэматической рефлексией, рефлексия такого рода опосредует видение и восприятие не просто текста или объективной реальности, а позволяет видеть данные феномены как структурированные «осмысленные» конструируемые. Это есть рефлексивная реальность (собственный мир, с субъективными фоновыми знаниями и индивидуальными особенностями познания) без всякого рефлексивного анализа, без проникновения в суть, чистое «разумное» герменевтическое

понимание. Никто не рефлектирует по поводу бытия на данном уровне, этот гипотетический продуцент или реципиент просто есть (существует).

При возможности собственного смыслопорождения, на основе либо уже существующих моделей (постоянно встречающегося и закреплённого структурного набора нозэм), либо на основе окказионального построения (не свойственного узусу конгломерата и новой иерархической структуры, стандартно не связанных в рамках одной модели нозэм), к построению смыслового конструкта на основе субъективных модальностей, сам его процесс выталкивает продуцента за пределы вышеописанной рефлексивной реальности к необходимости осознанной или интуитивной рефлексии. «Это начинается тогда, когда без воли нозэмы складываются в конфигурацию и начинается интендирование как важнейшая работа вовнутрь-направленного луча рефлексии» [2, с. 95]. Продуцент обязан не только рефлектировать над собственным продуктом, но и рефлектировать над пониманием понимания, намеренность усмотрения и полагания смысла в ткань текста – основа смыслопорождения. И это интендирование является и составляющей герменевтического понимания смысла текста.

Мельчайшие кванты смысла (именно смысла) – нозэмы, их усмотрение в структуре смысла дают ключ к процессу интендирования, к указанию на топос в онтологической конструкции. Нозэма – это сама суть, сам изначальный смысл отдельно взятого феномена, она играет роль фактора, направляющего луч рефлексии на топос некоей реально воспринимаемой конструкции.

«Нозэмы не воспринимаются посредством наших органов чувств» [8, с. 65]. Сам акт порождения и акт восприятия и декодирования несёт в себе смысл, но этот смысл остаётся не понятным, понимание этого смысла не является необходимостью, он сам – основа рефлексии вовне. Главное «осмысление» такого акта рефлексии не в восприятии чего-либо, не восприятие как таковое, а формирование иерархически структурированного конструкта из интенционально релевантных нозэм. Этот процесс является, по Э. Гуссерлю, «феноменологической рефлексией», и только такой вид рефлексии предопределяет смыслопорождение и смыслодекодирование (герменевтическое понимание как таковое), осмысление неких объектов (как объектов для исследования) в луче внешней рефлексии [11, с. 222]. Феноменологическая рефлексия имеет своей целью именно нозэмы, чистые ментальные конструкты смысла, опосредованные способы построения дискурса, конкретный инструментарий представлений, лежащий в основе воображения, восприятия, порождения и т.д.

Некий идеальный состав интенционально релевантных иерархически структурированных нозэм, данный либо интуитивно по нозематической рефлексии, либо с

опорой на феноменологическую рефлексию вовне, и опредмеченный мир значений, денотатов, реально представленный как в объективной реальности, так и в ментальных конструктах в виде мысленных образов и представлений абсолютно реальны, хотя и не тождественны. Конкретное понятие и представление экзистенциального Dasein не сливается с реальным человеческим существованием в мире. Рассмотрение всех феноменов-ноэм протекает непосредственно, не через реалии объективного мира, а имманентно, без опоры на рефлексию вовне – это первичная для нас трансцендентальная редукция, для перехода на следующий уровень необходимо довериться феноменологической филологической герменевтике – порождать с осмыслением порождённого, а на третьем уровне абстракции и с осмыслением механизмов порождения. «Если я способен непосредственно переживать движение ноэм, не отдавая себе отчета в том, что такое ноэмы, чем создающее их осмысление отличается от последующего смыслообразования – я и есть нормальный реципиент в рамках внутренней, практической позиции в деятельности. Все различия можно выполнять, только перейдя во внешнюю, исследовательскую позицию» [2, с. 101].

Денотативный конструкт даёт нам обычный семантический анализ, десигнативность преимущественно раскрывается в ноэматической иерархической структуре. Ноэма как минимальная единица смысла соотносима с минимальным квантом значения – семой, но с учётом приписанного субъективизма, модальности, ситуативности.

Лишь текст, дискурс даёт нам необходимые характеристики идентификации ноэматической структуры, система языка остаётся лишь потенцией (семы – чёрная дыра, ноэмы – квазар). Некий набор сем составляет значение слова в системе языка как определённый конструкт, набор данных конструктивных единиц можно соотнести с содержанием в тексте, однако говорить о смысле в данном случае не приходится. Семный и ноэматический анализ приводит к получению разных данных и должен предприниматься на разных этапах исследования (семный анализ ничего не даёт и не работает на текстовом уровне).

Высказывания любого текста, особенно философского дискурса, представляют собой суперконструкции из конструктов иерархически структурированных интенционально релевантных ноэм. Главное – это описание ситуации порождения, переживания, мышления, именно с той точки зрения и в том ракурсе, каковым оные предстали в практике мышледействия продуцента этого текста.

По мысли Э. Гуссерля [3, с. 130-131], само по себе феноменологическое описание, для нас на новом уровне феноменологическая филологическая герменевтика раскрывают сущностный состав текста и ноэматическую структуру. Характеристики воспринимаемого на первичном уровне абстракции и на последующих уровнях нельзя путать, так понятия

«равнобедренный треугольник» и «равноугольный треугольник» для восприятия без феноменологической рефлексии – равнозначные понятия, ведь в объективной реальности это и есть тождественные денотаты, для филологической феноменологической герменевтики при «осмыслении» иерархической нозматической структуры между нозмами наблюдается различие, именно поэтому характеристики восприятия тех или иных элементов необходимо получать лишь с характеристикой сопутствующей объективной реальности.

Очевидно, сами нозмы в структуре смысла определяют грани герменевтически понимаемого, а целенаправленный выбор аспектов бытования нозм в иерархической структуре смысла, интенциональность, субъективность и модальность зависят от реципиента или продуцента текста. Поэтому нозмы как инструменты смыслового конструкта являются трансцендентными образованиями, являются многогранными, но не многоуровневыми, и ни одна из этих потенциальных граней не даёт всей картины смысла, который порождается или декодируется в самом интенциональном акте текстопорождения или понимания текста при феноменологической рефлексии с самими связями и отношениями в иерархической структуре, между нозмами возникающими. Наиболее трансцендентным статусом могут обладать конструкты из пояса мыследеятельности (предметных, денотативных представлений) (по базовой схеме Г. П. Щедровицкого). При модальном интендировании и рассмотрении конфигурации нозмной структуры, при восприятии их в разрезе топоса бытийности в конструкте, интенциональность работы с подобными трансцендентными объектами приводит к многогранности и неопределённости смысловой структуры. Очевидно, что сами по себе взятые в отдельности объекты представлений обладают всей полнотой для рассмотрения, неопределёнными и субъективными их природу делает именно акт интенции. Внутренняя рефлексия в отличие от внешней никогда не даёт полной картины охвата, хотя и вычленяет непосредственные составляющие в деталях. Совокупность граней, не видимых при рассмотрении на луче вовнутрь идущей рефлексии, составляет некий «горизонт событий» интенционального акта понимания или порождения, имеется в виду та грань непонимания, которая вполне допустима при понимании всеми членами лингвокультурного сообщества. «Опыт внутреннего переживания... всегда так лично ограничен, так неопределен, так многосложен и при всем том так неразложим» [5, с. 136–137]. При подобной многогранности смысловых конструкций практически не достижима ситуация адекватного понимания (именно понимания, а не восприятия) любого текста и всех уровней его многогранного смысла, всего того, что возможно понять.

Таким образом, можно прийти к выводу, что нужное, корректное образование смыслов, как и сама возможность их наличия связано с использованием правильных техник интендирования, пониманием самого продуцента смысла и рефлексией его не только на

первом уровне абстракции, в отношении денотатов, но и на последующих уровнях при феноменологической филологической рефлексии над выраженным в знаках и символах/языковых единицах текстах – ментальных конструктах, всё это обуславливает рождение прото- и метасмыслов, нового в смысловой структуре, построение текстов на и за гранью понимания.

Именно это и есть смысл смыслов, его нельзя вывести из реально существующих и видимых граней, но его можно постичь, поднявшись над метауровнем, соблюдая определённую технику интендирования. Герменевтические витки вовне- и вовнутрь-идущих лучей феноменологической рефлексии должны завершаться именно актами интендирования (приращением субъективности, модальности, значимости), непомерным расширением герменевтической ситуации («игрового» смыслопорождения, переразложением этимологических основ, герменевтическим кругом и т.д.).

Ситуативность, субъективность, ноэматичность, модальность и интенциональность являются главными условиями смыслопорождения и смыслодекодирования, как акта повторения смыслопорождающего пути.

Список литературы

1. Альжанов Р. Г. К проблеме гносеологического статуса категории идеального // *Философские науки*. – 1985. – № 2. – С. 144.
2. Богин Г. И. Интендирование как одна из тактик понимания // *Вопросы методологии*. – 1992. – № 3–4. – С.90-104.
3. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
4. Вейн А. М., Голубев В. Л. Проблема «смысла» и «значения» в современной психотерапии // *Научно-техническая революция и медицина*. – М., 1973.
5. Дильтей В. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков*. – М., 1987. – С. 136-137.
6. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. – М., 1984. – 236 с.
7. Стеценко А. П. Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // *Вестник Московского ун-та. Серия 14: Психология*. – М., 1987. – С. 26-37.
8. Фоллесдаль Д. Понятие ноэмы в феноменологии Гуссерля // *Методологический анализ оснований математики*. – М., 1988. – С. 65.
9. Feibleman J. K. An introduction to the philosophy of Charles S. Peirce. Cambr. (Mass.), 1970. P.232.
10. Hannay A. To see a mental image // *Mind*. 1973. V. 82, N 326.
11. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Haag, 1950. B. 1. § 130-131.

Рецензенты:

Серебрякова С. В., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Леденёв Ю. Ю., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет», г. Ставрополь.

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.